

визма и его агентуры в виде компартий в других странах. Все это в подробностях – вновь свыше 600 страниц⁵⁸.

Однако тот факт, что подавляющее большинство участников – весьма уважаемых в ФРГ ученых – высказалось в «споре историков» против позиций, занятых Нольте, поубавило его пыл. Российские историки имели возможность наглядно убедиться в этом, участвуя в конце 1992 года в научном коллоквиуме, состоявшемся в Берлине на тему «Гитлер и Сталин: возможности и границы сравнения». Основной доклад с немецкой стороны сделал сам **Нольте**. В этот раз в нем не звучали (в прямой форме) ставшие уже традиционными тезисы о вторичности германского фашизма, об Октябрьской революции как причине возникновения фашистских движений в Европе. Вероятно, Нольте учитывал то обстоятельство, что со стороны российских ученых он получит еще больший отпор, чем со стороны немецких коллег. Тем не менее не все прошло гладко. Тема коллоквиума обязывала его участников ограничиваться периодом диктатуры Сталина, где точки соприкосновения с нацистским режимом были достаточно известны. И все же Нольте попытался выйти за эти рамки в стремлении распространить то, что говорилось о тоталитарном строе сталинских времен, на более ранние годы, когда у власти находились большевики.⁵⁹

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929–1933 гг. И СОЗДАНИЕ НАЦИСТСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА В ГЕРМАНИИ

Повалихина Т.И. (г. Минск, Беларусь)

Накануне знакового события, 80-летия со дня начала Второй мировой войны, историки вновь обращаются к анализу причин ее развязывания. В этой связи представляется актуальным изучение влияния экономических факторов, в частности «Великой депрессии» 30-гг XX в. на приход нацистов к власти в Германии и создание ими военной экономики.

Паника на Нью-Йоркской фондовой бирже 29 октября 1929 г. стала началом самого разрушительного мирового экономического кризиса XX в. В этот день, прозванный “черным четвергом”, на Уолл-стрит было продано 12, 8 млн. акций, или в 1,5 раза больше, чем когда-либо. 29 октября, в «черный понедельник» был достигнут пик спекуляций, составивший 16,4 млн. [3, с. 147]. Кризис проявился в резком снижении экономической активности в главных странах Запада.

В Европе страной, подверженной наибольшему влиянию кризиса, стала Германия. Кризис затронул все отрасли хозяйства и все слои населения. Падение производства продолжалось три года, в промышленности оно составило 40%, в сельском хозяйстве – 30, объем ВВП уменьшился на 25% [6, с. 74]. Это объяснялось следующими причинами:

Во-первых, резким сокращением долгосрочного кредитования со стороны США, Великобритании и Франции, а также отзывом ими краткосрочных займов с международных рынков капитала. Чистый импорт капитала в Германию уменьшился с 967 млн. дол. в 1928 г. до 482 млн. в 1929 г. и до 129 млн. дол. в 1930 г. Отток иностранных капиталов ускорился после выборов в рейхстаг в сентябре 1930 г., принесших крупную победу нацистской партии: иностранные депозиты в германских банках, которые составляли 40% их обязательств (8,9 млрд. рейхсмарок), покинули страну. [8, р. 227]

Нехватка финансовых ресурсов вызвала падение производства, рост безработицы. В начале 1930 г. в Германии насчитывалось около 2 млн. безработных. [7, р. 72]. Правительство Г. Брюнинга, пришедшее к власти в марте 1930 г., управляя по декрету о чрезвычайном положении, предусмотренном в Веймарской конституции, провело сокращение заработной платы, пособий по безработице, увеличение налогов. Однако эти меры снизили потребительский спрос и привели к дальнейшему падению производства, что вызвало рост социальной напряженности в стране.

Во-вторых, финансовым кризисом в Европе. Начавшись весной 1931 г. с банкротства крупнейшего австрийского банка «Кредит Анштальт», кризис затронул и германские банки, связанные с австрийскими тесными валютными и торговыми отношениями. Потерпели банкротство крупнейший «Дармштадтер унд Националь банк», а также «Ландесбанк» Рейнской области. За этим последовал натиск кредиторов на Рейхсбанк. Германские финансовые власти были вынуждены временно закрыть банки и фондовые биржи, увеличить учетную ставку с 7 до 10% и установить валютный контроль [3, с. 149]/

В-третьих введением большинством государств высоких протекционистских тарифов и других торговых ограничений. В отличие от Великобритании и Франции Германия не имела возможности продавать свои товары в колониях и доминионах, и пытаясь сократить убытки во внешней торговле, заключила таможенное соглашение с Австрией в начале 1931 г.

⁵⁸ См.: Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. VII.

⁵⁹ Там же.

Франция расценила это как нарушение принципов Версальского договора, и французские банки потребовали от Германии и Австрии немедленной уплаты краткосрочных обязательств, вызвав очередную волну банкротств, и вынудив обе страны отказаться от договора. В 1931 г. в связи с опасностью государственного дефолта Германии по инициативе президента США Г. Гувера репарационная комиссия приняла решение о приостановлении выплат репараций на год («мораторий Гувера»), а в 1932г. в связи с углублением мирового кризиса репарационные выплаты были прекращены.

Наихудшей стороной депрессии с социальной точки зрения во всех странах был высокий уровень безработицы, но Германия побила все рекорды. С конца 1929 г. до конца 1930 г. безработица выросла в 2,5 раза, составив 4,5 млн. чел, а в 1932 г. –6.1 млн. чел или 44,5% рабочей силы [8, с. 89]. Безработица касалась каждой второй семьи, 15-20 миллионов человек зависели от пособия. Одним из самых пагубных последствий кризиса в Германии стала волна самоубийств. Нередко кончали с собой целые семьи. В 20 крупных городах Германии отмечалось уменьшение численности населения. [4, с. 106.]. Безработица в Германии привела не только к краху экономики, но и кризису национального сознания, общенациональному психологическому шоку, вызванному несправедливостью и никчемностью существования.

На фоне обострения экономических трудностей в стране популяризировалась национал-социалистская партия Германии во главе с А. Гитлером, которая, пользуясь поддержкой монополий, развернула широкую пропаганду, привлекая на свою сторону широкие слои населения обещаниями работы, снижения налогов, удешевления кредитов, списания долгов и т.д. Крупный капитал поддерживал программу Гитлера, так как получал реальную возможность приумножения прибыли за счет государственных заказов, поглощения мелких собственников, уничтожения евреев.

После прихода Гитлера к власти 30 января 1933г. национал-социалистским правительством стала создаваться особая модель государственного регулирования, которая строилась как на отраслевом, так и на региональном принципах управления, что позволило установить тотальный государственный контроль над экономической жизнью. Возглавляла региональную, а также отраслевую структуру Имперская экономическая палата, которая подчинялась министерству экономики. [5, с. 280]

Все отрасли, за исключением сельского хозяйства, делились на 7 главных имперских групп: промышленности, энергетики, торговли, страхования, ремесла, банков, транспорта дальнего следования. Они в свою очередь подразделялись на многочисленные экономические группы второго уровня. Во главе них стояли главы крупных монополий: Крупп, Тиссен, Шредер и другие, имевшие широкие полномочия. Преимущественное развитие получили отрасли тяжелой промышленности, которая уже в 1934 г. достигла предкризисного уровня [2, с. 35]. С середины 1933 г. проводилось принудительное картелирование предприятий, в результате которого были созданы объединения промышленных фирм. Отличительной чертой системы нацистской системы хозяйства стал принцип «фюрерства», закрепленный в законе 1934 г. «О подготовке к органическому построению германского хозяйства».

Еще одной особенностью государственного регулирования в Германии становится принятие целевых экономических планов. Ключевой задачей первого четырехлетнего плана, обнародованного весной 1933 г., была борьба с безработицей. С этой целью осуществлялась широкая программа общественных работ по строительству дорог, магистралей, автобанов и т.д.

Важно отметить, что организация общественных работ в годы «Великой депрессии» занимала важное место в экономической политике правительств многих государств. Это не было простой случайностью. В 1931 г. в английском «Economic Journal» была опубликована работа профессора Кембриджского университета Р. Кана, в которой он научно обосновал, что инвестиции в строительство дорог – это не только способ ликвидировать безработицу, но и очень эффективное средство их приумножения («мультипликатор инвестиций») [1, с. 629.].

Основной целью второго плана, разработанного в 1934 г. Я. Шахтом, было установление тотального контроля за внешней торговлей и валютным обменом. Германия удалось заключить выгодные двусторонние бартерные и клиринговые торговые соглашения со многими странами, что позволило ей вести торговлю с минимальным расходом валютных средств.

Аграрная политика была направлена на создание продовольственных резервов к началу войны. Государственно-монополистическое регулирование аграрного сектора осуществляло Имперское сословие продовольствия. Вводилась система принудительных поставок сельскохозяйственной продукции. Особую роль в аграрной политике нацистской Германии сыграл закон 1933 г. «О наследственных дворах», к которым относились крестьянские хозяйства площадью от 75 до 125 га. Они были неотчуждаемыми, освобождались от поземельного и других налогов и наследовались исключительно старшим из сыновей. [2, с. 37].

Устанавливался государственный контроль в сфере трудовых отношений. В 1933 г. были распущены профсоюзы, рабочие и предприниматели были объединены в «Немецкий трудовой фронт», претендовавший на реализацию идей социального партнерства». В июне 1935г. для молодежи в возрасте от 18 до 25 лет введена трудовая повинность, которая в 1938г. стала всеобщей.

В 1935 г. был принят закон «Об обороне империи», предусматривавший массовое производство вооружений и военных материалов и сокращение гражданских отраслей, что означало милитаризацию экономики. В этом же году была восстановлена всеобщая воинская повинность.

В 1936 г. был принят 4-летний план, целью которого было обеспечить готовность немецкой экономики к войне, армии к действию. Стержнем нового плана стала политика автаркии, т.е. создания собственной сырьевой базы для обеспечения нужд военного производства. Увеличился импорт стратегического сырья. Налаживалось производство синтетических материалов: искусственного каучука, бензина, пластмасс и т. д. Ускоренными темпами росло производство новых видов вооружений, в том числе танков, самолетов, артиллерии.

К 1937 г. с помощью системы тотального государственного регулирования и контроля, а также милитаризации экономики Германии удалось практически ликвидировать безработицу, ее ВВП вырос более чем на треть по сравнению с 1929 г. Доля военных расходов в ВВП Германии со времени прихода нацистов к власти до начала Второй мировой войны увеличилась в 8 раз, с 3% ВВП в 1933 г. до 24% ВВП в 1939 г. [7, с. 85]. Германия готовилась к большой войне.

Таким образом, мировой экономический кризис 1929-1933 гг. оказал разрушительное воздействие на экономику Германии. Он также продемонстрировал уязвимость Версальско-Вашингтонской системы договоров и слабость мирового экономического порядка в целом. Следствием кризиса стал приход нацистов к власти и создание в Германии тоталитарной милитаристской системы хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анры, Д. Гісторыя эканамічнай думкі : дапаможнік / Д. Анры ; пер. с фр. А. Лагвінца, К. Акопава ; пад рэд. Т. Паваліхінай. – Мінск: Тэхналогія: Беларус. Фонд Сораса, 1996. – 734 с.
2. История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг. : учеб. пособие / А.Н.Маркова[и др.] ; под ред. А. Н. Марковой. – М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1995. – 191 с.
3. Поваляхина, Т. И. История мировой экономики и международных экономических отношений: учеб. пособие / Т. И. Поваляхина. – Минск : Соврем. шк., 2007. – 256 с.
4. Фест, И. К. Гитлер : биография : в 3 т. / И. К. Фест ; пер. с нем. под ред. С. З. Случа, П. Ю. Рахшмира ; с предисл. П. Ю. Рахшмира. – Пермь : Алетей, 1993. – Т. 2. – 477 с.
5. Фишер, В. Европа: экономика, общество и государство, 1914–1980 : пер. с нем. / В. Фишер. – М. : Владос, 1999. – 366 с.
6. Экономическая история: зарубежные страны и Беларусь : учеб. пособие / Д. Н. Черкасов [и др.] ; под ред. Т. И. Поваляхиной. – 2-е изд., перераб. – Минск : Экоперспектива, 2018. – 201 с.
7. Aldcroft, D. H. The European economy 1914–1990 / D. H. Aldcroft. – 3rd ed. – London : Routledge, 1993. – 308 p.
8. Kenwood, A. G. The growth of the international economy: 1820–1990 : an introductory text / A. G. Kenwood, A. L. Lougheed. – London ; New York : Routledge, 1992. – 327 p.

ZWISCHEN DEUTSCHLAND UND LETTLAND: ANALYSE EINIGER WERKE DEUTSCHBALTISCHER AUTOREN DER ZWISCHENKRIEGSZEIT

Talerko V. (Daugavpils, Lettland)

Eine der Aufgaben der langjährigen Forschung war es, aus einzelnen Erwähnungen, gesonderten Informationen, manchmal auch Anspielungen das Bild Deutschlands in der Zwischenkriegszeit bei den Deutschbalten Lettlands zu rekonstruieren. Natürlich haben die deutschbaltischen Schriftsteller, Dichter und Zeitungsreporter vor allem das Leben in Lettland geschildert und sich viel weniger mit den Lebensumständen in Deutschland auseinandergesetzt. Von Bedeutung ist in diesem Fall die These, dass der Vorstellungshorizont gegenüber dem anderen Land (Heteroimage) nicht bloß durch individuelle Beobachtungen geprägt ist, er präsentiert sich oft als kontrapunktisches Widerspiel zum eigenen kulturellen und nationalen Selbstverständnis (Autoimage) [3, 152]. Die Frage ist, ob sich die Deutschbalten in authentischen literarischen Werken als eine andere nationale Gruppe als Gegenüberstellung zu den Heimatdeutschen wahrgenommen oder mit den Heimatdeutschen sowohl sprachlich als auch mental identifiziert haben. Die Geschichtsforscher haben bis jetzt keine eindeutige Antwort, denn insbesondere in der zu betrachtenden Zwischenkriegszeit konnte man 2 entgegengesetzte Tendenzen beobachten. Die erste Tendenz war, sich selbst als eine besondere nationale Gruppe mit ihren sprachlichen und mentalen Besonderheiten zu betrachten [2, 25-28] und Lettland als ihre Heimat zu bezeichnen. Laut der zweiten Tendenz waren die Heimatdeutschen und Deutschbalten ein Volk und für sie spielte der Begriff des Vaterlandes die bestimmende Rolle.

Diese Frage korreliert mit der Tatsache, dass 60.000-70.000 Deutschbalten in 2 Wochen ihre lettische / estnische Heimat verlassen haben und nach Deutschland gezogen sind. Hier ist besonders der historische Aspekt wichtig, der den Historikern und den Literaturforschern erlaubt, die Selbst- und Fremdenbilder der Deutschbalten mit gesellschaftlich-politischen Ereignissen und Interessen jener Zeit zu verbinden. Deshalb konzentriert sich der vorliegende Artikel auf literarische Werke, persönliche Briefe und Zeitungsartikel, die in der Zwischenkriegszeit geschrieben wurden. Gleichzeitig wurden die erworbenen Informationen mit später veröffentlichten Erinnerungen der Deutschbalten verglichen.

In der wissenschaftlichen Literatur kann man die Behauptungen finden, dass es ziemlich kompliziert ist, die Identität und mentale Besonderheiten der Deutschbalten präzise zu bestimmen [2, 25]. Es wird angenommen, dass